

Семён Волошин
Землетрясение в Ташкенте

12+

Семён Волошин
Землетрясение в Ташкенте

«Автор»

2010

Волошин С. И.

Землетрясение в Ташкенте / С. И. Волошин — «Автор», 2010

Нескучный рассказ о ташкентском землетрясении 1966 года и его последствиях. На обложке автор рассказа.

© Волошин С. И., 2010

© Автор, 2010

Написано Волошиным Семёном,
моим отцом
благословенна его память

Канун

Удивительный это был год для ташкентцев. Собственно, свой отсчёт он начал как обычно, когда красноносый Дед Мороз привёз его в ландо на лошадиной тяге, поставив на смену очередному, уже явно подгулявшему 1965-му собрату, однако по-настоящему свою исключительную значимость для жителей столицы солнечной республики он приобрёл лишь в 5:30 утра 26 апреля. Какун его, т.е. 25-ое был для меня ничем не примечательным днём, отличавшимся от других рабочих будней разве что маршем авиаторов, передаваемым заводской радиосетью. Сие означало, что если сегодня не „красный день календаря“, то всё равно приятственное число-выдача аванса. Аванс конечно не получка, так быстро не разгуляешься, но повод тем не менее значимый и народ пребывает уже с утра в приподнятом настроении и трепетном ожидании момента.

В то время я уже заканчивал 3-й курс „ликбеза“, как в простонародье с лёгкой руки какого-то вечернего коллеги назывался „Факультет №1“, предназначавшийся тогда только для охотников за знаниями исключительно нашего номерного предприятия. В порядке лирического отступления надо сказать, что грамоте может народ был и не сильно обучен, но тяга, любовь и уважение к цифрам были велики. Красавец– парень не работавший за забором цифровых условных обозначений, а ударно трудившийся, например на ниве „пошива“ мебели для населения и по вечерам также ударно посещавший учебное заведение по профессии, был абсолютно неконкурентно способен по сравнению с задохликом с почтового ящика, да ещё учившемся на номерном факульте по номерной специальности.

Так вот день аванса. Придя на завод 15-ти летним сопляком я был приставлен в ученики к толстому, инфантильному и неимоверно скупому слесарю Палычу, который на заре моей трудовой деятельности поучал, что обмывание любого мероприятия от орденского награждения до праздника „первой полочки“ дело сугубо индивидуальное и никакому другому элементу желающему попаразитировать стакан-другой от щедрот „именинника“ в нём места нет. Пить в день полочки или аванса с коллективом, по его понятиям вообще не следовало, так как каждый готов был выпендриться и мощной потрясти перед другими и перепивал без удовольствия дозу, которую с лихвой хватило бы для загульной недельной пьянки на дому. Опять же, после первой бутылки трюльник в котёл кинул, а на рупь только принял. Сдачи-то не дадут!!

Не знаю внял ли я его наставлениям или как то само по себе вышло, но с зарплаты я практически никогда не принимал, а тут казус случился. Вышел за проходную и повернул в направлении номерного источника знаний, оглядываясь по сторонам, в поисках лотка, где можно разжиться беляшиком либо каким другим изыском, который мог бы утолить обострённое чувство голода, особо ощущаемое в период познания премудростей наук. Дотопал уже почти до факультета, но ни на что съестное так и не нарвался. Ну, думаю, придётся опять пузо телеграфистам на азбуку Морзе дарить. Через дорогу с нами был техникум связи, при нём была харчевня типа чайханы. Заведение сие было прославлено– благодаря пирожкам эпохи до исторического материализма, с заигрывающим прозвищем–“перевари меня“, продающихся там с завидным постоянством, несмотря на сроки выделки и консистенции каменных наконечников для стрел. Но даже это неондертальское чудо надо было успеть схватить раньше других аналогично голодных самолётостроительных коллег. Столовую в нашем научно-кефирном заведении построили годом позже. Слышу, обострённым от голода слухом за спиной знакомые хрипловатые голоса.

Оборачиваюсь—два моих собрата по группе, два Витька идут, глазами в поисках съестного лупают. Подождал, в компании и камни грызть приятнее и за разговором лязг зубной от перемалывания чайханских кракатуков не так слышен. Подошли, и разговор в тему, о съестном пошёл. Кто борщик со сметанкой бы сейчас лоханочку смёл, кто котлеток бы домашних, штук пяток. И так, как бы невзначай на часы глянули. А времени-то до лекции ещё почти час. Тут кто-то здравую мысль генерирует: а чего бы нам с авансу приличной пищи не отъесть. Тут и трамвай подруливает, что в обратную от науки сторону пилит, зато в направлении столовой, что на берегу Анхора. Тоже, конечно не Астория, но горячая самса и водянистое, зато холодное пиво присутствуют. Так и решили: на скоростях по кружечке пивка и по паре самсы уговорить успеем, в крайняк опоздаем минут на несколько с оправданием, что без нас машина взлетать не хотела. Оправдания производственного характера принимались преподами на раз. День был солнечный, ласковое весеннее светило клонилось к закату. Столик у самой воды достался. Витьки переглянулись и глазами в сторону ближайшего гастронома закосили. Что ж говорят, пиво без водки потреблять—деньги на ветер. Возьмём четок, так в то время четвертинку водочную звали, для запаха и пиву крепость небольшую придать. Скинулись. Витёк, что поменьше ростом, зато поросторопнее сбегал, да что там сбегал, слетал. Запыхался, четок достаёт, а пазуха топорщится, от тетрадок, думаю наверно. Тут и пиво принесли. Отпили, в кружки разлили четвертинку. Заели самсой, щедро набитой луком, мясо даже с нашим полуинженерным воображением представить в ней было невозможно. Глянули на часы и ещё по кружке заказали. Прикинули-к чему народ посреди лекции будоражить, ко второму часу первой пары как раз поспеет. Одновременно, глядя на вновь поднесённое пиво погрузнели, после „облагороженной“ первой кружки пить водянистую вторую представлялось безрадостным. Однако сбегавший Витёк, хитро ухмыльнувшись с банными словами незабвенного персонажа Буркова: „...чтобы вы без меня делали.“, достаёт из-за пазухи поллитровый пузырь. Тут мы воодушевились, взяли ещё по самсе, отпили и долили в кружки, а в первые опустошённые чистый остаток из бутылки. Короче, хорошо нам в тот вечер было и даже на второй час второй пары попали, правда совсем в непотребном виде, но всё же проявили тягу к знаниям. Наука, усугублённая анхорской столовой не отрезвила и практически на автопилоте приполз домой. Как разделся, спать лёг не помню. Что коктейль из пива с образованием из человека делает!!

День первый

Я проснулся, вернее очнулся, от крика мамы. Мама страдала тяжёлым заболеванием ноги, сильно прихрамывала и подчас ей трудно было вставать с кровати. На будильник посмотрел— 5:30, мне ещё полчаса спать можно. Слышу, собаки воют, гул стоит непонятный. В окно глянул, небо аж красное, будто отблеск пожара. Я к матери. Только с койки соскочил, вдруг, будто кто правой в корпус со всего маху саданул. Меня обратно на постель бросило. Ничего себе думаю, вчера на Анхоре поднабрались. А мама истошно кричит, зовёт меня. Подбежал. Спрашиваю, шутить пытаюсь: „Что случилось, войну Швеции правительство объявить решило? Пока спал, по радио что ли объявление было? Додумались наконец, как Америку, по надоям молока на душу населения перегнать? Теперь, на работу не пойдём и дружно сдаваться будем. Так это, говорю, не страшно, за то сыр и колбаса в продовольственном без очереди и рубашки нейлоновые без переплаты. Опять же, и аванс вчера выдали. При деньгах теперь. Вот жисть то будет“.

Мама говорит: „кончай языком молоть лучше помоги мне быстро встать и быстрее из дому. Это на землетрясение похоже“. Вышли на улицу. Гул идёт по нарастающей, словно громовой раскат разродиться не может и следом удар, будто кто за спиной мешок цемента уронил. Дома, словно народ похмельный, раскачиваются и скрипят как несмазанная половица. Ошу-

щение, надо сказать ниже среднего. Тяжесть в голове после вчерашней самсы образовавшаяся враз прошла. Картина конечно на улице живописная. Соседи, кто в чём повыскакивали и все жмутся возле калиток под стенами и на манер эрмитажных титанов стены своих жилищ от трясушки удержат нороят, в последствии мифических героев заменили на кирпичные подкосы с произаическим названием “контрофорс”. Оно понятно конечно, добро жилищное большими трудами нажито, но не дай бог трянуло бы как первый раз и.... подумать страшно. Стоим с роднёй, события обсуждаем. Напротив семья моего дружка кучкуется. Глянул, вроде все на месте. Вон дед с бабушкой и мать с отцом рядом. Девица какая-то длинноногая в шёлковом халате с ними тусуется, а его самого нет. Куда думаю задевался, спросить бы надо. Подхожу ближе и хохот раздирает. Стоит дружан в мамашинем халате и ножками волосатыми сучит. Когда на улицу бегать стали, бабушка подсуетилась и первую попавшуюся тряпку схватила-внучика от холода спасать.

Постояли с полчаса. Мужики подымили и давай по одному в дома заныривать, ценности спасать. Мама говорит, ты бы по-быстрому тоже смотался, документы и деньги какие есть прихватить. Неровен час, грохнется всё, по милициям бегать дольше будем, чем дом восстанавливать, да и на себя чего-нибудь накинуть не помешает. Выскочил я в одних трусах, а время по утру ещё прохладное, места некоторые уже колокольчиками позванивать стали. Ринулся борзовым скоком в дом. Только к нашему старенькому письменному столу подбежал, опять гул пошёл и вибрация предвестница очередного толчка наметилась. Рванул на себя ящик стола, а трясёт уже капитально. Ящик документами завален. Схватил первое, что в глаза бросилось-зачётка, стал копать студбилет до комплекта искать, перевернул всё, а билета нет. Тут стены ходуном заходили. Штаны и рубашку стянул со спинки стула и на выход. Выпрыгиваю тройным на улицу. Штаны и рубашку на себя пялю. Мама спрашивает: «документы и деньги взял?»

Взял говорю, самое ценное и зачёткой трясу. Мама снова : „А паспорта, деньги, документы пенсионные где?“-“Не до них, отвечаю было, студбилет и тот не нашёл „ Оделся, стал марафет наводить. На ту пору, теперь никто не поверит, сколько старой карточкой не маши, носил я роскошную кучерявую шевелюру, которую холил и лелеял многорядной капроновой расчёской. Полез в задний карман штанов, чувствую корочки твёрдые. Достая студбилет. Ну вот говорю, полный комплект документов.

Мама, смеётся, тоже мне подвижник науки. Я рад. Постояли под стенками ещё полчаса. На работу надо идти. На заводе с опозданиями очень строго было. Опаздываю на час. Случай небывалый. За такое не только премии лишить, но и выпереть могут. Предприятие наше было очень большим и имело несколько территорий в разных концах города. Я работал на площадке расположенной, как потом выяснилось, в самом эпицентре землетресения. Не догадываясь на тот момент о географии тектонических сдвигов ехал в трамвае, даже по сторонам не глядел, с поганым предчувствием предстоящих разборок и трудодисциплинарных взысканий лихорадочно муссируя в голове различные схемы закоса: от классической-будильник не сработал и до сложной: был вызван в милицию свидетелем семейного скандала соседей, бумагу мол дадут завтра. В соседнем парчке был сержант, с которым я когда-то ходил в одну секцию бокса, у него вечером я и надеялся выклянчить справку.

Приехал, подхожу к проходной. Ряд вертушек. И все крутятся, как бестормозные. Народ мигрирует, несмотря на только начавшийся рабочий день, как на территорию, так и назад. Вахтёрши, сидящие в кабинках вертушек выдают и принимают пропуска, ни о чём никого не спрашивая, анархия какая-то творится в нашем режимном ящике. Подошёл счастья испытать, номер пропуска называю, мне его бессловно выкидывают в окошко и открывают проход. Вахтёрша знакомая, всё ж уже почти пять лет на заводе и каждый день через эту вертушку хаживаю, тихонько спрашивает: „ну как ты там? „ Там, говорю, нормально и уже готов байку про семейный скандал выложить, а она: „ а у меня стенка пошла, и плачет“. Жила она за заводским

забором в шанхайчике, имевшем прозвище „молочка“. Не осознавая до конца свалившегося на людей горя, имея в макушке только отмазку за опоздание, несусь как угорелый в цех.

Пропуск перед рабочим днём надо было сбросить в прорезь ящика, откуда он извлекался цеховой табельщицей для отметки в журнале наличия работника на месте. Дальнейшая оценка трудовой деятельности находилась исключительно в компетенции непосредственного начальника, то бишь производственного мастера. С последним у меня были добрые, как теперь бы сказали, бартерные отношения. Мой производственный шеф начал трудиться на заводе во время войны, 12 -ти летним пацаном. Роста он был большого и сошёл за 15-ти летнего, таких уже брали. Со временем, проявив недюжинные организаторские способности и крутой нрав был назначен мастером. Имея внушительный вид, он был грозой и полным хозяином на группе. У него было только два недостатка: 4-х классное образование и он был заикой. По заводу, для таких как он, „образованных“ , а таких было немало, организовали обучение-“Курсы мастеров“. Это было нечто среднее между ЦПШ и техникумом, причём на курс приходской школы был сделан основной упор, но давало диплом техникумовского образца. Шла середина 60-х, и учащийся народ за прошедшие 25 лет изрядно подзабыл „Интегралы“ начальной школы, зато успели обзавестись обширными семьями, детьми а некоторые уже и внуками. Работа занимала, почти все дни недели, домой возвращались усталые, а подчас за полночь. Где там учёба?! Я же, к той поре, учился в институте и слыл, в ближайших кругах производственных сотоварищей, грамотеем. Амбарцумич, так звался в народе мастер позвал меня и заикаясь говорит: „Ты –ы мне за –а-дачки решаешь, что на курсах задают, я тебе 3 отгула(за прогул) дополнительно к отработанным оформляю. Кроме того, можешь часок в день в свободной сварочной кабине с тетрадами кантоваться. „ Согласился, а про себя думаю: с такой уймой времени, можно не только наш „ликбез“ одолеть но и курсы кройки и шитья параллельно в багаж знаний прихватить. Шутка конечно, но после этого сговора, отношения перетекли из сферы производственных, в сферу коллегиальных.

Прибежал на группу, готовый произнести уже заученную тюльку о превратности супружеской жизни соседей, смотрю из 14 верстаков (мы по двое за верстаком трудились) за тремя движением наблюдается, остальные пусты. Время – 26-ое число, самый разгар заводской штурмовщины, работали мы не ритмично, но ударно по 12-18 часов, а в последние пару дней и вовсе спали в цеху. Была расхожая поговорка, что на самолётах выпущенных в конце месяца нельзя летать без парашюта.

Неправда, можно, сам летал. Но летать надо через раз, чтобы не так часто испытывать судьбу. Правда жизни расставляла всё по местам. Безжалостная статистика утверждает, что аварии происходят как по техническим так и по оккультным причинам, не коррелирующим с временным раскладом выпуска машины. Но, перед посадкой на борт, с шильдиками густо разбросанными по разным узлам машины ознакомиться бы надо, хотя с другой стороны уже поздно-вы летите и опять без парашюта. Так вот. Народ отсутствует. Напарника моего тоже. Смотрю Амбарцумич выплывает из пескоструйки, утренний мастерский обход по участкам-смежникам. Подходит, спрашивает, а сам голову в сторону отворотил, работать пришёл или так предупредить. Аккуратно интересуюсь, а что можно предупредить и свалить. Можно говорит, но наряды буду закрывать по факту, без поблажки на степень убытка от природного катаклизма. У самого мол, весь дом в трещинах, однако с утра на трудовом посту. Делать нечего, рабочую робу натянул и вперёд, на „мины“. Надо сказать в цехе, кроме разбросанных на верстаке заготовок, практически ничего не напоминало утреннее буйство стихии. Хоть во время войны было сотворено строение, но на совесть. Вечером потащился в институт. Разговоры одни: у кого и что в домашнем хозяйстве гавкнулось. Народу мало. Настроение , как у студентов, так и у преподавателей никакое. Но уже с чьей-то лёгкой руки, вернее языка пущено в оборот расхоже-весёлое выражение „Ну как вам тряслось?“. Долгое время оно служило в обиходе, заменяя привычное-“привет“. Тут же утка: экзамены в летнюю сессию отменяют. Атте-

ступают по результатам практических работ и по посещению семинаров. Отправляем старосту в деканат, на предмет выяснения радостной новости. Он идти не хочет, так как имеет кучу задолжностей и лишний раз светится перед деканом ему не к чему. Мы наседаем и практически впахиваем в приёмную к декану. Возвращается он через пяток минут, с лицом, на котором отражалась многовековая скорбь еврейского народа, и при этом заявляет, что не только экзамены, те что по плану сдавать будем, но ещё новый предмет на злобу дня введут, причём на всех курсах сразу. Тектоника называется. Звучит вроде весело, но мы помрачнели. Что такое тектоника никто не знал. Да и не всё ли равно что сдавать. И всё потекло по обычному расписанию. Тектонику не ввели и это единственное, что было нам послаблением к учебному процессу. Как выяснилось в ближайшее время, это было Нёмино отмщение за внеочередное посещение им институтского начальства. Наукообразное слово тектоника было им почерпнуто в приёмной декана из разговора двух доцентов. Схватив на лету, общий смысл, он тут же, втюхал его нам. Кстати, о тектонике.

Оракул из преисподней

Нашлись, вернее нашёлся в Ташкенте человек, которому утро 26-го апреля, обрушившее на горожан горе и ужас стало манной небесной. По пустыне конечно он 40 лет не шастал и получил сию благодать вовсе не с небес, а очень даже наоборот. Жил-был в городе ничем не примечательный научный сотрудник сейсмической лаборатории. И до того он был непримечателен, что аж ему самому противно было. Наука не шла. Девушки, не любили. Жена его за зарплату презирала.

Другие докторские крапают, а у него и на кандидатскую намека нет. Редкие и низкоамплитудные взрывы ташкентского сейсмографа не давали и нити надежды, что эта безнадёга когда нибудь кончится. Разыгравшаяся 26-го стихия не думала сворачивать свою деятельность. Трясло с большей или меньшей силой каждый день. Даже теперь, по происшествию более сорока лет, науке ещё не дано предсказывать с какой-либо утилитарной вероятностью место и время этого явления.

У кого же было в то время узнать, когда и какой силы будет следующий толчок?

А знать было надо. Народ на взводе, опять же производительность упала, темпов нет. Очётность чернеет, а это похуже землетесения будет. Не местные, нагнанные со всей страны новое жильё строить неохотно на башенные краны садятся, парашюты требуют.

Стали шукать, и вот он пробил его звёздный час. Даже его фамилия созвучна теме дня— Уломов он. Будучи извлечён из подвала, где проводил в полнейшем безвестии, рядом со своим прибором многие годы, он сразу был включён как величайший знаток и Нострадамус местного разлива в десятки больших и малых комиссий. Ежедневные, а то и по 2 раза в день выступления по телевидению, а в остальное время надувание щёк в президиумах различных собраний и заседаний, где он с величием пророка раздавал целым коллективам индульгенции на отворот от их семейных очагов норовящих всё обрушить набегах стихии, подняли его в собственных глазах до вершины Олимпа, причём и внесли туда же сразу. Забыв ленты приборов, он бодро и со значением тряс под носами обалдевшей аудитории, бумажками времён Улугбека. Фразы произносимые им были изощрённы и вранливы одноивременно, но народ внимал ему, почитая за оракула. В те редкие дни или разы когда его расхожие бредни сбывались, его можно было считать настоящим подвижником науки. Люди осознавали её величие. В особенности сейсмологию. Которую кляли, боготворили и побаивались на манер иконы. На одном из таких собраний с выступлением жреца-прорицателя мне довелось присутствовать. Собрало руководство завода труженников, нашей территории в парчке с летней эстрадой, на предмет вселения в расхристанные стихией души уверенности в окончании разломно— переломных процессов. Тыщи три собралось. Директор краткую речугу толкнул о необходимости проявить пролетас-

кую сознательность и несмотря на „бомбёжки“ снизу дать Родине больше самолётов. Народ внимал. Что-то потом и парткомовский секретарь промычал. Ну и как полагается, самое вкусное на десерт. Начальство аж распирает от удовольствия и гордости за то что смогли доставить коллективу такой подарок, будто в голодную годину вагон сахара пригнали и как какое – нибудь заморское диво торжественно, с явным заискиванием произносится его имя. Предварительно опережая события директор сказал, мол в руководстве республики заверили, толчков сильных не будет, вот и товарищ Уломов с научной точки зрения доложит нам это и обоснует. Неистовые рукоплесания. Ла Скала, со своим итаьяльским темпераментом отдыхает. И вот он вальяжно, осознавая значимость своей персоны, по суше аки по морю подплывает к трибуне. Разворачивает какой-то плакат, подозреваю из введения в науку, что обычно на популярных лекциях „знатоки“(лекторы из наукообразного общества „Знание“) пользуются. В дополнении к картинке, для большей убедительности, достаёт ватман с аккуратно написанной формулой затухающих гармонических колебаний из школьного курса физики и начинает излагать. Публика разинув рот и поедая глазами взгромаздившееся на трибуну чудо внемлет. Коротко изложив содержание популярной брошюры „Почему бывают землетрясения“ издательства Детгиз за 1920-й а может и какой другой, не вспомню точно, но близкий к нему год, солидно откашлявшись он произносит на манер судьи, оглашающего приговор:“ Научные изыскания подтверждают общие принципы теории тектонических сдвигов земной коры. И нами, с учётом опыта мировой статистики подтверждено, что всё что полагалось природе свершить для снятия напряжения в зоне ташкентского разлома уже разломнуто и подвинуто, а значит и толчков сильных не будет“. Сказал-как точку поставил. Буквально сразу, за финальной фразой, раздался гул и сильнейший толчок потряс наше заводское скопище. Стенки цехов, окружавшие садик с собранием, заходили ходуном. Это был самый сильный за историю этого землетресения горизонтальный толчок. Позже говорили, будь он вертикальным, город сложился бы, как карточный домик. Пошли крики женщин и крепкое рабочее словцо в адрес оратора. Кому то стало плохо, требуют скорую. Давка на выходе. Хоть и не под крышей проходило мероприятие, люди торопятся в раздевалки, за оставленным барахлом. Уже дана команда проходной, выпускать всех кто попросится на выход. Зашли в цех, а там как Мамай прошёл, всё на валяется на полу, кое-где даже бетонная стяжка полов трещинами пошла, чего и 26-го не было. Вот тогда и ощутили мы все „силу“ науки. Да и постепенное осознание понятия „тектоники“ стало с холодком заползать в душу.

Будни и праздники

Трясло в тот год почти каждый день, а первые 2 недели особенно интенсивно. Привыкнуть к этому явлению было практически невозможно, но мы работали, жили и шутили. Молодость! 8-го мая в Ташкент в командировку приехал мамин брат из Ашхабада. Он пережил Ашхабадское землетресение 48-го года. Сутки пролежал под завалами, пока откопали. Выжил чудом. Так вот, приезжает он под вечер, я в тот день в ликбез не пошёл. Мама праздничный ужин сварганила. Дядька, первым делом, ещё чемодан не поставил, дом обежал, во все щели посмотрел, кое-где штукатурку ногтём ковырнул, стены согнутым пальцем на манер кладоискателей обстучал, и говорит: ну вы здесь паникёры! Вы и понятия-то не имеете, что на самом деле за штука эта землетресение.

И маме после ужина: постелишь мне под стенкой, где самая большая трещина образовалась, отдохнуть буду. Мама ему говорит, да мы дома, с первого толчка не спим. Все спят во дворе и ты там ложись, я у Софки раскладушку для тебя взяла. Дядька упёрся, ну ни в какую. Поужинали. Пузырёк под маринованную щучку приговорили. Тут он, слегка подморившись, стал рассказывать, как в 41-м под Москвой, будучи командиром пехотного взвода, в воронке от снаряда спал, показывая бойцам на примере, что последний дважды в одно и тоже место

не попадает и как в 48-м, на комбинате продукцию давал, под аккомпанимент рассыпающихся стен. Короче, героики хватало. Засиделись тогда допоздна, дождик маленький прослезился. Решили-ладно, сегодня дома переночуем. Постели разобрали и не успели свет выключить, как слышим „зверюга“ загудела. Лежим ждём. Дядька вроде уже как похрапывает. Вдруг как дало, как дало. Я вскочил, маму с постели тяну. Во двор выскочили. Родня вся в сборе. Дом у нас хоть собственным числился, 3-м хозяевам принадлежал и проживала в нём куча родственного народа.

Пока туда-сюда, смотрим дядьки нет. Мама говорит: „пойдём в дом посмотрим, если чего-разбудим“. Намайлся за день, уснул наверное. В дом зашли, вдруг крик и словно метеор, в комнату дядька закатывается. Матом кроет на чём свет стоит: „немедленно на улицу, жить что ль вам остолопам надоело? „ Мама ему: „а ты где был? „ В отличие от вас, недоумков, уже 10 минут как на улице стою. Тут смотрим, а он, оказывается уже при полном параде. В рубашке, галстук и пиджак на руке. Я-то в одних исподнях выбежать успел. Мама ему: „ты щётку зубную из чемодана вытащил, зубы перед сном освежить“. Дядька: „сейчас чемодан с улицы во двор занесу“. Когда успел? Вот что значит армейская выучка. Три дня, что в командировке был на улице спал. Уехал не простившись, мы на работе были. Вечером пришли. Смотрим: на входной двери бумага с посланием приколота.

А в послании короткое напутствие: „Памятка разгильдиям! Заслышав гул, в дом не входить!“ и черепушка с двумя куриными косточками снизу пририсована. Смехота да и только. К слову. Была у нас в цеху Маша-комплектщица. Бог наградил её рубенсовскими формами и при этом, в отличие от тел из-под кисти великого мастера, бюстом ненормируемого размера. Мы, молодые охламоны, всё норовили органолептическими методами подтвердить увиденное. Мой дружок-напарник Жорка, лётчик будущий, изловчился и сзади за эту ненормируемую выпуклость и ухватился. Машка спокойно, без шума и крика отшвырнула его, да так что видно этот полёт и определил его дальнейшую судьбу. И в отмщение мы приклеили ей на спину рабочего халата, который не мог скрыть её рубенсовских прелестей бумажку с короткой , на манер той что на электрических столбах, надписью „Не влезай! Убьёт!“ и черепушку с костями снизу. Если без шуток, положение на заводе складывало не совсем хорошее. Ладно бы произошло бы всё разово, тут как у нас принято, пошумели бы для виду, народ очередными глобальными проблемами по строительству светлого завтра озадачили, объяснили бы случившееся происками акул империализма, ну вкрайняк, за чрезвычайность ситуации премию бы по десятке на трудовое лицо выписали, да и забыли до очередного разу. Ан нет. Трясёт и трясёт. Конца и края не видать. Учёные мужья, равно как истинные так и псевдо, выросшие как грибы после дождя сказать что-либо вразумительное не могут, только очереди в пищебумажных магазинах создают, ударно скупая бумагу для научных трактатов готовых в ближайшее время если не подвинуть земную кору, то уж потрясти мир фолиантами диссертационных открытий. Завод был эвакуирован из-под Москвы. И основная масса квалифицированных рабочих приехала вместе с демонтированным оборудованием. Именно благодаря им удалось, практически с колёс наладить выпуск самолётов.

При эвакуации от имени... чуть ли, не самого Сталина, выдавалась бумага, по которой гарантировался возврат в родные Пенаты после окончания войны. Кто-то после войны уехал, но большинство бысто привыкло к тёплому и как тогда говорили „хлебному“ Ташкенту. К сладкому винограду и дымку свежей лепёшки. Однако аромат фруктов хорош, когда ежедневно не живёшь на вулкане, причём в буквальном смысле этого слова. Потянулся цвет заводской в кадры. Увольняться задумали. К тому времени старые, довоенные хибары мало у кого сохранились на их „исторической Родине“, но в Москве и подмосковье, на рабочих спецов голод. Промышленность развивается, плодятся заводы, а квалифицированного токаря или фрезеровщика с огнём не сыщешь. Это тебе не очкарик с диссертацией, каких пруд пруди. Это же элита и цвет любой промышленности. Квартиру, если не сразу, то через пару лет точно дадут, а

без лепёшечного дымка и перебиться можно. В министерстве московском, срочно комиссию создали, дабы кадры в отрасли оставить. Стали увольняемых, по другим заводам распахивать, обещая коврижки.

Часть завода, расположенная в эпицентре, не самая большая, другая - агрегатная значительно больше, да и финишная. Заводское начальство всё больше на той, главной площадке. Завод громадный, самый большой в отрасли. Если хочешь к директору на приём попасть, месяца за 3 запишешься может очередь и подойдёт. А тут небывалое.

У нас на площадке приём чуть ли не каждый день, да ещё в полевых условиях под открытым небом идёт. Демократия в действии. Деньги на ремонт, кто просит, прям чуть не из кармана вынают. Все на приём ташутся, некоторые просто из любопытства с директором поручаться. В то время я решил к инженерному труду приобщиться. Половина института пройдена, сколько научного гранита, вместе с техникумовскими пирожками перемолото да и опыт определённый за пять лет появился. Очень меня привлекала конструкторская деятельность, что-то было в ней таинственное, высокое и потому очень заманчивое. Опять же культура производственных отношений безукоризненная, по сравнению даже с цеховыми инженерными службами, чистота и полнейшее отсутствие даже намёка на необходимость выполнения планово-матерных ежемесячных показателей.

У нас в институтской группе было несколько ребят, которые уже имели среднеспециальное образование и трудились на инженерном поприще, кто где. Марат, будучи начальником техбюро цеха, имел устойчивый „блат“ с руководителем бригады „крыла“ СКО. Правильной расшифровки аббревиатуры этого конструкторского монстра(там работало до 1000 человек) я не зал. По серости, думал специальным конструкторским делом заняты, понятие истинного их имени пришло позже. На удивление моё тогда, на эту армию конструкторского сопровождения изделий даже ржавого кульмана не наблюдалось. Кругом роились обыкновенные столы, на которых были разложены рулоны кальки и многосотенный улей гудел скрипом безопасных лезвий. Инженером, без полного верхнего образования не брали, зато готовы были принять в бригаду на должность слесаря. Зачем специалист по обработке металлов требовался не ясно, но в штатном расписании такая должность была. Заявление, с просьбой о переводе я накатал и начальник бригады двинул с моей переводной запиской по длинной цепи заводских кабинетов. Возражений у конструкторского начальства, как я понял не было. Однако стоило начальнику моего цеха позвонить в кадры и бригадира с моей бумагой попёрли куда подальше, да ещё пригрозили в цех, для усиления конструкторской мысли, непосредственно в производственном процессе направить. На рожон он лезть не собирался, тем более доказать ценность кадра, приобретаемого бригадой крыла в лице моей персоны было практически невозможно. Подержав на столе, чтобы было не так неудобно перед Маратом с полмесяца мои бумажки, он передал их ему с грустным видом, мол, сделал всё что мог, но уж больно твой малец „для производства ценен“. Марат в свою очередь, сунул их мне. Со словами, мол иди к высшему начальству сам, могёт чего и выйдет. Высшее начальство-директор завода, совмещал свою многотрудную директорскую должность с заведованием в ликбезе кафедрой конструкции летательных аппаратов. Нам он ещё не читал. Дисциплина только со второго семестра четвёртого курса началась, поэтому с преподавателем-директором лично общаться ещё не довелось. Видал его близко только раз, когда на учёбу зачисляли. Тема эта безусловно достойна отдельного внимания, но вне рамок этого рассказа. Так вот.

Записался я на приём, что на летней площадке рядом с Зининым буфетом ежедневно происходил и стал очереди дожидаться. Бумаги, что Марат передал, в папочку с ботиночными тесёмочками аккуратно сложил. Речь о стремлении к созданию ковров-самолётов в СКО приготовил, да так образно, что сам в неё и поверил. Через пару дней секретарша начальника цеха бумажку приносит. Завтра пожалте на приём. Сама от любопытства стораёт. Зачем спрашивает, таким особенным, к директору прорываешься? Я, на манер деда Шукаря, сам не понимая что

в самую точку попал: „портфелю, говорю, кожанную просить буду“. Так ты ж ещё институт не закончил! Как закончу говорю, из крокодиловой кожи просить буду. Усмехнулась, ушла. По дороге с бабами судачит, в меня пальчиком шаловливым тычит. Время приёма в 6. Заканчиваем в 5:30. Дома помылся, рубаху с галстуком напялил. После работы, в соседний цех на душ сгонял, у нас тогда душа не было. Башмаки начистил. Пришёл в садик, отметил что на месте, сижу скучаю. Приём на летней эстраде идёт. Периодически, оттуда крики истошные прорываются. В тот день, преимущественно женщины шли. Дошла моя очередь. Поднялся на эстраду. Кто-то стул вежливо пододвинул. Сажусь перед директором. Напротив-измученный седой человек с мешками под глазами. На меня посмотрел и говорит: где то я вас видел. Неужто думаю, так я на мандатной комиссии запомнился. Смеху тогда конечно было, но чтобы вспомнить через три года... ну и память, даром что профессор.

Ну я коротко, август 63-го и напомнил. Он заулыбался, может быть впервые за день. Помню, помню говорит. Носки-то приобрёл, или какая проблема с ними ко мне привела, а сам аж угорает. Помощник ему бумажку с моими данными подсовывает, готовили приём! Не на голых словах беседа. Там и вопрос по которому пришёл прописан, кадровый. Он в бумажку глянул, отодвинул её, спрашивает как работа, учёба?

Тут я соловьём, что всё мол хорошо, но мечте сбыться не дают. Папку развязываю, волнуясь, а она, зараза, от волнения этого на узелки затянулась и открываться не хочет. Тут председатель профкома, он рядом сидел, папку у меня взял. Ножичком перочинным тесёмки срезал и назад вернул. Я бумажки достаю и перед директором выкладываю. Он мне: „скажи суть, в чём мечта и кто мешает“. Тут я ему про неудавшееся слесарничество на конструкторской nive выкладываю. Вдруг он кровью налился. Кулаком, по столу колотит, ну кажись мой вопрос враз решится. Смотрит на секретаря парткома и аж захлёбывается. Вот же суки, говорит, им для скобления кальки тысячу человек своих бездельников мало, стали ещё с производства тянуть.

И помощнику: "соедини меня с начальником цеха, этого начинающего отца советской авиации. Соединили сразу". Директор: "тут у меня паренёк сидит, фамилию мою называет, что Григорыч о нём скажешь"? Ответа не слышу, но по тону директорскому понимаю, характеристика положительная выходит.

Он говорит, для службы инженерной созрел, так ты его технологом назначай, зарплату по минимуму дай, пусть поймёт почём фунт инженерного лиха достаётся. Единицу дополнительную в штат цеха завтра ОТЗ даст и трубку положил. Иди трудись, здесь – на цех показывает самолёты делают, а чтоб кальку скоблить, ты тут лет 20 поработай, а там посмотрим. Так в тот вечер началась моя инженерная биография, и там же кто-то подсказал абривеатуру СКО-скобли кальку осторожно.

К сожалению или к счастью, заниматься этим в жизни не пришлось.

Ставку с перепугу ОТЗ по максимуму выделило. Мне назначили оклад на 5 рублей больше минимального, всё ж таки директор распорядился.

И закрутились будни осенним лиственным хороводом. С утра крики, узлы в производстве не идут, кто эту дурь в технологии прописал, брак сплошной гоним, вечером опять крик, через 2 дня сдавать, сборочный стоит, а технологии до сих пор нет. И тут уже никакие катаклизмы в оправдание не идут, трясёт не трясёт, кончай дедукцию, гони продукцию.

Буквально за несколько дней после 26-го, город преобразился до неузнаваемости. На тихих ташкентских улочках появились палатки, вигвамы и вигвамчики. Народ переселился из аварийных домов в полевые условия. Участились случаи мародёрства. В палатку с собой скарб не унесёшь и брошенные жилища стали лакомым куском для местной и заезжей шелупони. После 10-ти вечера, по городу кружит вооружённый автоматами, военный патруль. По возможности стали отправлять детей к родственникам, живущим за пределами республики, друзьям с которыми годами не состояли в переписке и просто, к знакомым соседских знакомых. Город

пустел. Если можно было урвать отпуск, брали штурмом кассы и неслись куда глаза глядят, лишь бы подальше от тряски.

Массовый отъезд напоминал эвакуацию, тем кто пережил и видел это. Глубокотыловой, даже во время войны, город приобрел прифронтный вид. Но предприятия работают и люди спозаранку тянутся к рабочим местам. Несмотря на буйство подземной стихии, природа сверху берёт своё. Зазеленели чинары и зацвели вишни. Вот и майские праздники подошли. Обычно, на праздники мы собирались с ребятами и девчонками у кого-то на дому. Стол в складчину. Ребята тащили выпивку и мамыны изыски, девчонки, под видом собственноручно приготовленных кулинарных яств тоже, в основном изделия бабушкиной кухни.

На сей раз ситуация менялась в корне. Извечный вопрос-у кого гудим, на повестке не стоял. Жили все, в основном, в собственных домах, изрядно подпорченных стихией, поэтому было решено, если и подвергать себя опасности, собираясь всем вместе, то лучше это делать под сенью общепита. Набиралось человек 10. Застолбили стол в ресторане Шарк, сейчас от него остался куций кусочек, обрубленный со всех концов, бомбёжкой реконструкции центра. Когда б не массовый отъезд и исполнение караульных обязанностей жителями, по охране принадлежащей им собственности, нам бы это ни в жисть не удалось.

Явились в 7. Тихо, не трясёт. Дождик тёплый весенний накрапывает.

Столик у открытого окна накрыт. Музыкачку клёвую дают. Местная звезда эстрадного вокала (Пьеха и Кристалинская в одном стакане), потрясая в безразмерном декольте прелестями перезревшей и перебродившей страстями бальзаковской дамы, связки надрывает. Как теперь бы сказали, полный отпад. Откушали оливье и пошли плясать. Одно, безусловное неудобство в этом ресторанном раю наблюдается. Ни тебе тёмного уголка, где можно в сладострастном порыве чувств, вызываемом смесью водки с этим французским названием винегрета, провести запуск руки с неперменным олимпийским поцелуем, ни тем более пойти дальше. Питьё заканчивается, надо бы заказать ещё. Прохлада струится из окон. Подступает приятный расслабон. И уже кто-то, начинает нести околесицу, типа того, что всё что за последние дни происходило, нам пригрезилось.

Короткий рёв подземного чудища и сильнейший толчок, напоминают о реальности бытия. Ресторанные люстры закачались маятниками Фуко. Фужеры танцуют на столах канкан. Вопли со всех сторон. Хорошо первый этаж. Прыгаем в окно, ловим на ходу девиц и чёсу на проезжую часть. Ещё пара успокоительных толчков и тишина. Народ вывалил гурьбой. Советаются. Домой бежать или, провались всё, допить, догулять, а к добру потом. Уж коли чего произошло не поправишь и назад не вернёшь. У нас уже всё решено. Горячего не откушали, заказ на допзаправку не отменён двух мнений быть не может, прочь сомнения гуляем дальше.

Сидим до закрытия. Провожаем девиц, орём блатные песни и нам хорошо.

Ребята, в основном проживали все компактно. Догуливаем на месте на берегу старого, поросшего травой, арыка. Часа в три разбегаемся по насестам. Завтра кому на работу, кому в институт, а некоторым, наиболее „одурённым“ в оба эти заведения сразу. Подходила страдная пора студента-сессия. Праздник, как сказал Дуб из незабвенного Шурика, со слезами на глазах. Вообще, на сдачу сессии, долбакам моего толка полагалось по закону, на манер нарушителей общественного порядка 15 суток, но в отличии от последних, которые получали положенное по первому требованию участкового, вырвать их у цехового начальства было практически, невозможно. Каждый раз одни и те же мытарства. Хватание начальников на ходу, грязными лапами, за одежду с просьбой, переходящей в увещания „вот выучусь и пользы принесить отечеству больше буду“, добывать своё „предоставленное правительством право отпить пивка после успешно заваленного днём зачёта было довольно не просто. На твои эмоциональные выплески всегда имелся стандартный набор, на манер полыхаевских резиновых клише типа:

„ ..и так шибко умный.., „...мы по пять лет в отпусках не были, а тут трижды в год где это видано.., „ ..видали мы на... ,тех кто такие постановления в правительстве издаёт. Им

план не давать.. „...вот сейчас я тебе такое изображу, не только на 15 дней , на год, в декретный пойдёшь.“., и наконец, отмахиваясь как от назойливой мухи, снисходительно -“Иди работать, в отпуск пойдёшь, могёт стать, приурочим“, добавляя при этом, с прищуром и ехидной ухмылочкой, если не отзовём. Кстати, приурочивать сию поблажку к отпуску документом не возбранилось и мы в основной массе так и поступали. Нельзя сказать, чтоб по молодости я был сильно безалаберным или не в меру ленивым, но вести конспект, аккуратно записывая в тетрадь квинтэссенцию преподавательской мудрости у меня ни как не получалось. За шесть лет учёбы, я не создал ни одного манускрипта, способного оказать хоть какую-нибудь услугу для скоропалительного знакомства с предметом, имевшим по непонятным причинам место в расписании экзаменов. Занятия посещал в основном аккуратно. Учиться мне нравилось. Память, по тем временам была на месте и лекция представлялась захватывающим спектаклем. Кстати, факультет наш номерной был абсолютно самостоятельным заведением. Деканумнейший мужик использовал предоставленную самостоятельность, приглашая для работы с нами, на начальных курсах особенно лучших преподавателей со всех ВУЗов Ташкента. Математику читали университетские, а сопромат с кафедры транспортного. Даже необходимость вписываться в отведённый часовой „тариф“ нашего факультета, не сдерживал фундаментальности доводимого материала. Знания полученные в промежутках от аванса до зарплаты, оказались настолько хорошо осевшими, что практически без доработки сгодились на весь инженерный путь и частично сохранились, даже сейчас.

Сдача сессии в том году ни чем не отличалась от предыдущих. Разве что, последний экзамен совпал с датой убытия в отпуск и я дал ему возможность отдохнуть от меня до осени, стёпу ж не получать. Перед каждым „отчётом“ преподавателю за меченный (от Крыловского метать) в семестр квант науки, я накануне, испытывал дикий мандраж. Хаос творился в голове полнейший, причём это абсолютно не зависело от сложности предмета. Но когда я приходил в аудиторию и начинал готовиться, всё расплзлось по своим местам и после сдачи надолго оставаясь в памяти, а вибрация, мучавшая накануне казалась смехотворной глупостью. На разных этапах своей жизни я учился во многих учебных заведениях, но чувства испытываемые в преддверии экзаменов не покидали меня никогда. За 20 лет моего „жизненного пути“ я самостоятельно вояжировал лишь в азиатскую Мекку жары-Ашхабад, в гости к маминому брату, поэтому задумываемая поездка с другом детства на кавказское побережье в Сочи дикарями, представлялась путешествием на африканское сафари. В Сочи, в ту пору так же дико отдыхала моя сестра с племяншкой. Они снимали на Мамайке комнату и меня соблазняли уже готовым углом. Я летел в Сочи один. Мой товарищ летел на неделю позже. Так что предложение проживания с уже налаженным бытом выглядело заманчиво. Располагался этот дом на горе, соседнюю квартиру сдавали пернатым хищникам и это почти без юмора. Тащиться на ту горку можно было только с альпештоком или, что лучше, подлетать на крылышке с трёхметровым размахом. Мощный клюв царь-птицы был тоже не лишним, т.к. доставлять наверх пропитание из подножных магазинов было тоже делом непростым. Добрался на перекладных из Адлера. Еле нашёл это орлиное гнездо. Стучу-никого нет. На пляже, думаю ультрафиолет на спину наворачивают. Устроился на крыльце .

Час сию нет, два-нет ни души. Спросить-то некого. Дом, как хутор, стоит на отшибе да ещё на верхотуре. Из достопримечательностей-полкан здоровенный на цепи, возле входа в дом сидит. Тявкнул для приличия пару раз и улёгся спать, отвернув морду, всем видом давая понять, что дальнейший разговор неуместен. Живот подвело. Стал приглядываться к зелёным яблокам, что росли во дворе. Слышу, снизу доносятся до боли знакомые буквосочетания, в раз подумалось, будто в цехе в конце месяца нахожусь. Гляжу, поднимается „медленно в гору“, парень в морской форме.

Фуражка на носу. Китель, на манер свитера, накинут на спину и рукавами у горла завязан. И прёт этот морячок, уподобляясь Сизифу, невероятных размеров чемодан. „Деликатные“

слова летят во все стороны цветным фейерверком. Ну, думаю, боцман. Ранее, с такими типами судьба не сводила. В Ташкенте „флот“, конечно был, но каботажный, который ходил в пределах основной городской акватории– Комсомольского озера.

Флот был малотоннажный и боцман на этих, с позволения сказать, дредноутах не полагся. Дом на горке один, как перст, стоит. Сестра говорила, хозяин –художник, стало быть максимум с мольбертом должен восходить в жилище. А тут-человек чемодан перед собой толкает, габаритами соизмеримыми с его ростом. Ну, думаю напарник образовался, не так скучно будет. И точно, вскарабкался морячок на пиковую площадку, глаза из орбит лезут, весь в поту и сразу ко мне с вопросами: " правильно ли по адресу появился, потому как тут он впервые и если неверно попал, то второго восхождения на местную Джамалунгму ему не вынести". Познакомились. Выяснилось, что он родной брат хозяйки. Закончил во Владике мореходку и получив отпуск перед отбытием в дальние страны(его на большой сухогруз распределили) решил навестить сродственницу. В чемодане том, кроме кроме смены тельников и тапочек, как выяснилось позже 10 кг красной икры, а остальное на сколько позволял бесплатный провоз багажа, копчёная кета. Надо сказать, что прибытие на черноморское побережье Кавказа тик в тик совпало с днём моего рождения. Не зная местных условий и обычаев, я в буфете аэропорта укупил бутылёк, местного „аперитива“, соблаздившего этикеткой, исполненной в манере пейзажей Левитана. Думал с сестрой вечерком и отметим сей праздник. Сидим с соседом по „гнезду“ рядом на крылечке. Время полуденное, солнце в зените. Благо водопровод во дворе. Как по сигналу ринулись к нему с целью влить в себя целителькой кавказской влаги, на что последний, как бы в издёвку, прошипел невнятно „а не пошли бы вы“ и с хрипом, засосав воздух, почил „в бозе“. Разговоры ведём. О морской стихии, о воздушной, кому что ближе, а есть хочется страсть как. Молодые желудки от разговорной романтики ещё больше требуют пищевого вброса. Внизу, у дороги, я бы назвал это место на скалолазский манер приютом или базовым лагерем, примостился продмаг. Но как вспомнили, что надо будет совершать повторное восхождение желание возыметь продовольственные прелести, на манер шагреновой кожи, скукожилось до размера булавочной головки.

Тут то он мне про свой дальневосточный клад, что в чемодане обитал, и поведал. Я же, враз вспомнил пейзаж отцовского тёзки. Решили подкрепиться подножным кормом, как говорится не отходя от кассы. Из столового серебра, только загребушие немые пальцы. Стали шарить по двору в поисках хоть какого то предмета, напоминающего очертания тарелки. Икра у него была упакована в полиэтиленовые мешки и потреблять её от туда не было ни какой возможности. Максимум подходящей была, лишь, полкановская чашка, но испытывать терпение мохнатого цербера, ни кто не решался.

Начали перечислять, что из скарба могло бы сойти за дворцовую посуду и почти сразу отменили тапочки и нижнее бельё, а вот тазики для бритья, благо ещё брились по– старинке, взбивая в них мыльную пену, оказались в самый раз. Рыбины кеты были больше похожи на акулы тушки, чем на привычную селёдку, нарезать их было нечем, а портить внешний вид продукта надкусывая со спины не хотелось. Разодрали пакет с икрой. Насыпали в тазики, откупорили „Левитана“ и приняли по несколько булек „лысого“ за знакомство из горла. Закусывали, держа тазики с икрой на манер азиатской пиалы, поправляя в рот густой продукт указательными пальцами свободной руки. Возникшая на голодный желудок дружба, располагала к откровенной беседе. Тут я и доложил, что мне уже часа три, как 20 стукнуло. Повод, как говорится без вопросов, булькнули ещё и ещё. Закуска, хоть сплошной деликатес, но потреблять его у нас принято с хлебом и маслом, а в чистом виде уже после первого тазика не лезет. К тому же солнце светит нещадно, икра браконьерская, крепкого посолу. Жажда мучает как в пустыне, а водопровод издевается по прежнему, извергая ругательства с невероятным количеством шипящих. Прямо Польша какая то. Попробовали „молодильных“ яблочек, что кучно росли на яблонях. Оказалась дикая кислятина, ещё больше пить хочется.

Заглянули за дом, а там в кладовой куры кудахчут. Петух, словно китайский мандарин среди этого царства расхаживает, решая по ходу самую насущную гаремную задачку. Видим по среди этой куриной эротики, лоханка с водой стоит, уже наполовину употреблённая и с большим осадком грязи. У кур, вероятно банный день был или бег от петуха с препятствиями, причём притормаживали он, согласно известной куриной мудрости (не быстро ли я бегу) исключительно в этой водной преграде. Но пить хотелось настолько, что пренебрегая санитарией, поволокли лоханку к выходу. Тут шпоровитый половой гигант крылья распушил и с криком, достойным торговков тюлькой на одесском привозе налетел и расклевал как орёл. Не знаю, что уж подумалось гребешковому красавцу, наверное сейчас чашку с водой утащат, завтра любимую наседку уведут, а там глядишь и самого в суп захарчуют, но пока, этого ещё не произошло он яростно отстаивал свои территориальные права больно истязая через брюки кожу на наших ногах. Но что такое петушиные амбиции, когда два молодых мужика, насмотревшись с близкого расстояния на пейзажно– этикеточную живопись, усугублённую икорной солью лошадиного помола уже предвкушают живительный нектар куриной автопоилки. Мы прошли к выходу, а князь и гордость курятника, для порядку, поклёкотав ещё немного порлиному ретировался вглубь своих владений с чувством исполненного долга, по ходу рассуждая: характер показал, куры не тронуты, да и сам ещё не ошпиан. Жить можно. Утолив жажду амброзией, оставшейся от куриных водных процедур, мы устоились на крыльце и тут же уснули. Проспали до вечера, несмотря на неудобства наличествующего сервиса. Проснулся, от горячего и частого собачьего дыхания возле самого носа. По реакции вскочил, смотрю стоит перед нами квадратного вида мужик, держит на коротком поводке дворового полкана и смотрит на нас внимательным прокурорским взглядом. Представившийся ему натюморт впечатлял выразительностью поз и пейзажа. Возле крыльца вляются 2 тазика из-под мыла, густо, как пчёлы на медовой рамке, усыпанные навозными мухами невероятных размеров, пустой бутылёк с художественной этикеткой между ними приютился и куриная лоханка у сотоварища моего, перевёрнутая под ухом лежит вместо подушки. Сами мы расстёгнутые до пупа, с „кровоточащими“ от икры пальцами и небритыми рожами являли нойский вид только не у подножия, а у вершины Арарата. Кто такие? Львиным рыком изрёк мужик. Судя по тому как жался к его ноге Полкан, было понятно, что это и был хозяин. Токнул в бок напарника, докладаясь, что так мол и так, Фридин брат я, на отдых пожаловал и вопрос моего тут нахождения, ранее согласован с евойной супружницей, коли чего не так понял и пальцем в напарника тычет. Приятель твой что ли? Да говорю, сегодня, тут на вашей фазенде познакомились. Родственник он ваш. Что то не припомню такой родни, изрёк Валерий, и тоже, легонько пнул лежащего на крыльце морячка. Тот очухался, вскочил. Валерий опешил: картина не ждали.

Лёха ты ?! Изрёк хозяин и немедленно потащил морячка в свои объятия. Они не виделись больше 4-х лет. «Что ж вы тут бедолаги делали, глядя ехидно на куриную лоханку, вопрошает он»? Моряку нельзя никак без моря ? и заливается густым, раскатистым смехом. А с руками то что?

Закусывали, поясняет Лёха, у товарища, мол, день рождения сегодня. Ну это, мы отметим, как следует. Идите мыться и заносите шмотки в дом. Так мыться-то негде. Водопровод только ругается с польским прононсом, а воды не даёт. Улыбается. Это одна из прелестей житья в условиях высокогорного, чистого воздуха. Вода с 7 вечера и до 4-х утра. Вон за будкой Палкана, рукомойник и душ. Он вас теперь не тронет, я ему сказал что свои! Уверились в полкановскую порядочность. Искупались. Зашли в дом. Валерий говорит мне: «а ты знаешь, что сестру с племяшей сегодня в больницу положили, с подозрением на желтуху»?

Я опешил. Понятия не имею, и где это. Оказалось у чёрта на рогах. Быстро собрался. Скатился кубарем с горки. Удалось поймать такси. Приехал в больницу, действительно их поместили в отдельный бокс и анализами мучают. Жарища и духота. Называется, к морю съездили. Вечером явилась хозяйка, накрыла стол и вывалила на него не хуже чем на царском приёме:

лоханку красной и лоханку чёрной икры, осетрину и прочие изыски, причём, всё привезенное братом без распаковки было отправлено в холодильник. Трудилась она на ниве курортного питания, в должности зав залом санатория „Заполярье“. И если официанткам из известного фильма со стола доставался недоеденный клиентом гарнир, то ей по должности полагалось следить, чтобы труженник Норильска не набрал бы у моря лишних калорий, которые могли снизить производительность его ударного послеотпускного труда. Лишние калории выливались в ежедневно недопотреблённый морепродукт, который утилизировался на домашнем, обеденном столе заведующей.

Хозяин был труженником кисти и холста, с вхутемасовским образованием. Стены комнаты, были плотно покрыты пейзажами, маринами и натюрмортами. Однако талант его раскрылся в полной мере на благодатной почве создания высокохудожественных шедевров винно-водочного толка. Считался он, одним из лучших в Сочи творцов рекламы для магазинов и отделов крепких напитков. В те далёкие, как кажется теперь времена, слово бартер не было в ходу, но расчёт натурой практиковался широко. Низ серванта, был представлен широким ассортиментом рекламируемой продукции. Хозяйка, от щедрот заполярного усиленного питания, была очень радушной. Приезд брата и вскрывшийся факт моего рождения были отмечены помпезно и даже, чересчур. После обеда Валерий закидал меня вопросами : -“А правда, что центр Ташкента провалился и в образовавшемся озере рептилия. типа Лох Несской поселилась?“, „А людоедство в городе процветает?“, „ Транспорт то не ходит, понятно дело, всё в разломах, а на чём народ на базар и службу добирается?“ и т.д. из этого ряда.

Вальяжно откинувшись на спинку стула и приняв позу чревовещателя я не торопясь рассеивал, к их явному разочарованию досужие небылицы по интересующим их фактам ташкентского бытия. День был суетным. Образчики рекламы брали своё. На утро, началось метание между морем и гнездом за чем, собственно, и ехал. Товарищ приехал через 5 дней и я съехал с орлиной горки, так и не дождавшись признания спортивных заслуг в покорении вершин, но что ноги укрепил-то факт.

Вышеописанное не имело непосредственного отношения к событиям, так волновавшим ташкентцев в тот год, однако последующее пребывание у черноморских вод, вписывается в описываемую тему. С приездом друга, мы сняли комнату в центре города. Местоположение жилища не требовало каких-либо специальных навыков для преодоления расстояния до моря. Комната была весьма аскетичного толка. Ничего лишнего. Две койки с гамаковскими сетками, в целях обеспечения безопасности при их эксплуатации, провисавших под тяжестью лежавшего до пола, гейсловацкий шкаф и один колченогий стул. Радио, а тем более телевизор не портили простоты обстановки. Да и были эти атрибуты цивилизации не особенно, востребованы.

Намаявшись за день бесполезными попытками переплыть на другой берег черноморского озера, на манер аналогичных заплывов в комсомольской луже родного города, настоявшись в очередях за пайкой курортной пищи, мы приходили в усмерть уставшие и мгновенно засыпали до утра. В один из дней, вываливаемся как обычно, пораньше с пляжа, чтобы нагулять аппетит в длиннющей людской змее к объекту общественного питания. Слышим зовёт кто-то и голос уж больно знакомый. По сторонам пошарили голодными глазами и узрели отца, нашего товарища. Подошли, разговорились. Он отдыхал в Сочи, в одной из центральных гостинниц. На вопрос смотрим ли мы футбол, в ту пору чемпионат мира был, ответили что регулярно, но только через форточку т.к. другого экрана в наших апартаментах не наблюдается.

А хотите матч сегодня посмотреть? Мы отвечаем, не то что хотим, очень даже „хочим“. Приходите вечером в гостинницу, организуемся. Только, давайте пораньше, телевизор в холле. Стульев не достанется. Пожертвовав ужином, подрулили, часа за два до начала. Он вышел, провёл нас мимо местного голкипера, стоящего на гостиничных

воротах, почище любого Яшина. Тому то что, увидел мячик, схватил и точка. Этому же гостинничному, сразу хватать нельзя, для начала, оглядеть надо с головы до пят и оценку дать объекту, надвигающемуся на охраняемый рубеж, а то неровён час не тогохватишь так и ворот вовсе лишиться можно. А народ толпой валит. Вот и оцени у кого реакция лучше быть должна. Всё мы успели и стулья застолбить и даже в буфете бутербродов урвать. Футбол, на сытый желудок, гораздо лучше воспринимается, веселее как то. Первый тайм прошёл на ура. Прохладно, мы ещё пивка в буфете прихватили. Футбол красивый. В перерыве, даём ответы публике, по поводу ташкентских событий. Мы в центре внимания, нам сытно, прохладно и весело. Начался второй тайм. И , вдруг, неповторимый, до боли знакомый гул просыпающегося чудища. Вскатываем с места и кубарем по лестнице наружу. Уже на бегу чувствуем, как заходили стены, не как у нас, но весьма ощутимо. В след летят смешливые окрики, куда мол поскакали, то мотор, какой то, под гостинницей включили, но нас не проведёшь. Выбежали, оглянулись перекурили. И футбол смотреть расхотелось. На утро выяснилось, что это была отрыжка Геленжикского землетрясения. Пятибального, между прочим. Нет от трясушки житья и тут. Будто преследует оно нас не давая возможности забыть.

Отдых был изрядно подпорчен, но догулян до конца

Мы вернулись домой.

Штайнбах, 23.05.2010